

УДК 82.09-1

DOI: 10.26456/vtfilol/2023.1.206

**РУССКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПОЭМЫ
КАК ВЕНЕЦ РОМАНТИЗМА
(«Таинственная капля» Ф. Н. Глинки
и «Агасфер. Странствующий жид» В. А. Жуковского)**

А. О. Дроздова

Тверской государственной университет, г. Тверь

В статье сопоставляются две «итоговые» поэмы Ф. Н. Глинки и В. А. Жуковского с точки зрения наличия в них традиционных черт романтической поэтики: исключительность и одиночество романтического героя, который становится проводником авторской позиции; конфликт героя с действительностью; романтическое двоемирие; мотив странствия и поиска идеала; мотив мечтаний, снов и видений; мотив единения с природой. Кроме того, к характерным особенностям позднего романтизма можно отнести обращение к духовной составляющей, зачастую выраженной поисками истины в библейских текстах.

Ключевые слова: романтический герой, молитвенный дискурс, бинарная оппозиция, двоемирие, трансформация времени, катарсис, Ф. Н. Глинка, В. А. Жуковский.

Романтизм зародился, получил свое наибольшее развитие и постепенно уступил свое место реализму в период с конца XVIII до середины XIX века. Достаточно небольшой промежуток времени существования романтизма, по сравнению с предыдущими многовековыми «стилями эпохи», можно уложить в рамки жизни одного поколения. Это подтверждает и один из принципов романтизма, который был озвучен К. Н. Батюшковым: «Поэзия, осмелюсь сказать, требует всего человека. <...> ... Живи, как пишешь, и пиши, как живешь» [2, с. 41].

Если сравнить с жизнью человека, то, как отмечал В. Г. Белинский, романтизм зарождается с высокой идеи и мечты, с юношеского порыва «к неопределенному идеалу фантастического совершенства, – истины, блага и красоты», «в духе Средних веков» [3, с. 292], и этот этап стал важным моментом «не только в развитии человека, но и в развитии каждого народа и целого человечества...» [4, с. 186].

Но вслед за юношескими стремлениями наступает время зрелого и сосредоточенного взгляда на жизнь, пора духовного трезвения. Итогом этого осознания себя, своего места в литературе можно назвать такие крупнейшие произведения середины XIX века, как религиозные поэмы

© Дроздова А. О., 2023

«Таинственная капля. Народное предание» (1840-е гг.; первое издание в Берлине в 1861 г., в России – в 1871 г.) Ф. Н. Глинки и «Агасфер. Странствующий жид» (1851–1852) В. А. Жуковского. Русские религиозные поэмы выражали национальную особенность, заключающуюся в глубокой духовности народа, о которой позднее писал Н. В. Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «...В лиризме наших поэтов есть что-то такое, чего нет у поэтов других наций, именно – что-то близкое к библейскому, – то высшее состояние лиризма, которое чуждо движений страстных, и есть взлет в свете разума, верховное торжество духовной трезвости» [5, с. 38].

Поэма В. А. Жуковского «Агасфер. Странствующий жид» содержит поэтически оформленную средневековую легенду о еврейском сапожнике, который из-за жестокости своего сердца оттолкнул от дверей дома страдающего Христа во время Крестного пути на Голгофу. За этот немилосердный поступок Агасфер был обречён на вечное скитание в поисках освобождающей его от душевных мук смерти. Богатая на географическое и историческое разнообразие с множеством экзотических пространств легенда об Агасфере для романтиков стала источником появления большого количества художественных адаптаций.

Основная работа над текстом началась в 1840-х годах. Поэма стала одним из итоговых произведений Жуковского и была не завершена. «Вдруг дело само собой началось... все льется изнутри», – писал В. А. Жуковский П. А. Плетневу. «Если напишется так, как думается, то это будет моя лучшая лебединая песнь», – отметил он 13 сентября 1851 года во время интенсивной работы над поэмой. События в «Агасфере» охватывают несколько исторических эпох: от нескольких десятилетий первого века до падения Римской империи и начала Средних веков. С. С. Аверинцев подчеркнул одну из самых важных особенностей поэмы, заключающуюся в многократном повторении антитезы светлого и темного начала в структуре легенды [1], парадокс заключается ещё и в том, что желанное для всего человечества бессмертие оказывается для героя страшным проклятием и обречённостью на муки, которые в конечном итоге опять обращаются в милость и надежду на покаяние и искупление.

Религиозным поэмам в целом присуще наличие большого количества аллюзий и ассоциативных связей, одновременно с этим некоторые мифологемы (как, например, мифологема *Иерусалима*, рассматриваемая как в плоскости реального города, так и «Небесного града») обретают в романтической традиции статус осевого концепта определенной метафизической системы [7, с. 17]. В этой системе присутствует характерная для романтического мировосприятия многоуровневая организация представлений о бытовании всего сущего. Е. Г. Милюгина отмечает бинарную организацию архетипов, включение в которые

позволяют мифологемам участвовать в организации аксиологических, пространственных и временных антиномий [Там же, с. 18]. В «Агасфере» семантическое поле мифологема *Иерусалима* одновременно содержит в себе двойственное и противоречивое значение: для самого Агасфера во время его многовековых страданий Иерусалим представляется окруженным «свободы сладостным чувством» (в Иерусалиме заключен концепт Дома, родной земли), но в то же время Иерусалим оказывается вечной и «ужасной о прошлой пытке» памятью. Поиск духовного *Иерусалима* как пути искупления совершенного преступления становится основным концептом этой мифологема в поэме. Двойственность семантического поля мифологема Иерусалима характерна и для «Таинственной капли»: Иерусалим не только представляет собой духовный центр Иудеи, «град святынь» [4, с. 50], но и Царство Небесное, «Горний град» [Там же, с. 204].

Агасфер из-за наложенного на него проклятия становится физически внемным существом, всецело отделенным от общества. Даже его внешность настолько чужда миру, что вызывает отторжение окружающих, он так же, как и все, человек, но в нём «...все нечеловечье было: / Он был живой, но жизни чужд казался; / Ни старости, ни молодости в чудных / Его чертах не выражалось; все в них было / Давнишнее...» [6, с. 23]. Ключевым моментом в понимании образа Агасфера является его изначально непреклонное желание смерти, но в результате катарсиса герой приходит к осознанию несомненного блага в вынужденном земном странствии, служащем к очищению души.

Трансформация внутреннего мира Агасфера через перенесенные страдания, в сущности, близка христианскому сознанию. Преображение героя привело его к пониманию основ мироздания, а потому сформировала его ещё и как пророка. Это подчеркивает и Жуковский, неоднократно акцентируя внимание на «пронзительных очах» во внешнем облике героя. Не случайны и апокалиптические картины и пророчества Иоанна Богослова, увиденные уже изменившимся Агасфером.

Поэма Ф. Н. Глинки «Таинственная Капля. Народное предание», как и «Агасфер» В. А. Жуковского, основана на сказании «из древней легенды, сохранившейся в хрониках Средних веков, в семейных рассказах и в памяти христианских народов» [4, с. 2]. Масштабная по своему замыслу и исполнению поэма состоит из множества глав, содержащих поэтическое переложение библейской истории, начиная от ветхозаветной книги Бытия и заканчивая новозаветными текстами. Среди неоднородной структуры повествования выделяется основная сюжетная линия, которая основана на апокрифическом предании об исцелении Богородицей младенца, впоследствии ставшего разбойником и распятого на Кресте по правую руку Христа.

Мотивы противостояние гордости и смирения, греха и добродетели являются доминирующими в поэме, а большая часть хронотопов встречается в бинарной оппозиции, которая выражена не только на внешнем уровне, но и метафорически (небо – земля, небо – море, день – ночь, свет – тьма, оазис – пустыня). Оппозиция проявляется и в конфликте персонажей (разбойники – благочестивые старцы, «ангелы света» – «служители тьмы», правители – народ).

Главным героем основной сюжетной линии поэмы является молодой разбойник с характерными чертами романтического героя – исключительного героя в исключительных обстоятельствах. Он живёт среди своих братьев по ремеслу, но ничто из окружения не привлекает его, он дистанцируется от своего круга. Уникален образ мыслей Дисмаса; находясь в непрерывном духовном поиске, он задаёт философские вопросы о смысле существования, о смерти, о жизни и людях. Принятое в разбойничьей среде понимание жизни вступает в противоречие с его внутренним миром, и он ищет свой собственный смысл жизни: «Что значит жизнь? – Загадка, для живущих! Живем, а как?... не понимаем сами!» [Там же, с. 95]. Конфликт со средой порождает романтический мотив одиночества, разбойник обретает покой только в отдалении от людей, наедине с природой и своими мыслями: «Он, прочь от нас, сидел сам одинок, А на устах его слова играли» [Там же, с. 112].

В поэме находит отражение романтическая концепция двоемирия: действия органично охватывают и реальное, и сверхъестественное пространство, события разворачиваются и на земле, и в первозданном рае, и в преисподней. Кроме того, двоемирие реализуется через романтический мотив мечты. В своих снах, мечтаниях и видениях разбойник представляет иной идеальный мир, который ничем не связан с обыденностью. В поэме актуализируются и мотивы странствия в поисках недостижимого идеала, заключающегося для разбойника в обретении душевного мира и покоя. И если для поэмы В. А. Жуковского поиск идеала для Агасфера остается недостижимым, то в «Таинственной капле» этот мотив претерпел трансформацию, а идеал становится достижимым для героя через катарсис, его духовное прозрение во время крестной казни.

К чертам романтической поэмы можно отнести и особый молитвенный дискурс, который выражен в обоих произведениях. Покой и величие природы, увиденные просвещенными духовными очами Агасфера выражают особую природу молитвенного состояния души, которое сопровождает истинное обращение к Богу, молитва уже становится не просительной, «не выраженьем страха иль надежды», а лишь безмолвным предстоянием и «сладостным глубоким постиженьем / Его величия, Его святости, / И благодати, и беспредельной власти, / И сладостной сыновности моей, / И моего пред Ним уничтоженья...» [6, с. 31].

Схожие мысли находим и в «Таинственной Капле» Ф. Н. Глинки. Здесь молитва является не просто способом общения с Богом, а мощнейшим оружием правды, которым человек может приблизить к земле Небеса: «И ангела увидит человек! И скажет ангел человеку: Битва Бессмыслия со смыслом решена; Земля – страдальца – возрождена, И Царство Божье созвала – Молитва!» [4, с. 207]. Таким образом, молитве отводится роль не только преобразователя человеческой души, но и преобразователя истории всего мира.

Глинка с детальной точностью поэтически оформляет образцовую молитву «Отче наш», которая отражает основные черты молитвенного дискурса. Сокращая некоторые формы слов, используя инверсию и добавляя междометия и союзы, автор создаёт особую напевность стиха, нисколько не изменяя смысла первоисточника: «Отче наш, иже еси на небесех, да святится Имя Твое!... Да придет царство Твое! И да будет воля Твоя как на небе, так на земле; и насущный Хлеб наш подаждь Ты нам днесь, и долги нам остави Ты наши, Так как и мы же долги должникам оставляем же нашим...И в искушение нас не введи, от лукава избави! – Ибо Твое есть и царство, и сила, и слава вовеки! Аминь!» [Там же, с. 205]. Особая ритмическая основа евангельского текста молитвы на церковнославянском языке позволяет поэту использовать гекзаметр для её поэтического переложения.

Таким образом, в рассмотренных нами сюжетах двух «итоговых» поэм русского романтизма, можно выделить основные черты, позволяющие их отнести именно к этому направлению: 1) исключительность и одиночество романтического героя, который становится проводником авторской позиции; 2) конфликт героя с окружающей средой; 3) романтическое двоемирие; 4) мотив странствия и поиска идеала; 5) мотив мечтаний, снов и видений; 6) мотив единения с природой. Характерной чертой позднего романтизма в России является освоение им христианского понимания мира и человека для обретения «духовной трезвости».

Список литературы

1. Аверинцев С. С. К истолкованию символики мифа об Эдипе // Античность и современность / Под ред. М. Е. Грабарь-Пассек и др. Москва: Наука, 1972. С. 90–102.
2. Батюшков К. Н. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Москва: Художественная литература, 1989. 515 с.
3. Белинский В. Г. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. Москва: Художественная литература, 1948. 928 с.
4. Глинка Ф. Н. Таинственная капля: Народное предание. Том 1–2. Москва: Типография М. Погодина, 1871. 678 с.
5. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 6. Москва; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. 744 с.

6. Жуковский В. А. Сочинения : в 3 т. Т. 2. Москва : Художественная литература, 1980. 493 с.
7. Милюгина Е. Г. В поисках храма: к проблеме концептуальных моделей нелинейных динамик в художественном мышлении романтизма // Романтизм: грани и судьбы. Вып. 5 / Тверской государственный университет. Тверь, 2005. С. 14–23.

**RUSSIAN RELIGIOUS POEMS AS THE CROWN
OF ROMANTICISM
(F. N. Glinka, “Mysterious Drop”, V. A. Zhukovsky, “Agasphere“)**

A. O. Drozdova

Tver State University, Tver

The article compares two “final” poems by F.N. Glinka and V.A. Zhukovsky in terms of the presence in them of the traditional features of romantic poetics.

Keywords: *romantic hero, prayer discourse, binary opposition, dual world, time transformation, catharsis.*

Об авторе:

ДРОЗДОВА Алина Олеговна – аспирант кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: aokomt@yandex.ru.

About the author:

DROZDOVA Alina Olegovna – Postgraduate Student at the Department of History and Theory of Literature, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: aokomt@yandex.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.01.2023 г.

Дата подписания в печать: 27.02.2023 г.